

Отзыв

официального оппонента на диссертацию Ануфриевой Анастасии Сергеевны на тему «Отражение актов политико-символической коммуникации в сочинениях оттоновского времени», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук, по специальности 07.00.03 - всеобщая история (средние века)

Диссертация А.С. Ануфриевой посвящена проблеме символической репрезентации власти в германских землях на исходе Раннего Средневековья. В качестве предмета исследования выбраны некоторые ключевые элементы политико-символической коммуникации, нашедшие отражение в сочинениях авторов оттоновской эпохи. Речь идет об актах инаугурации властителя, его покаянии, поведении на поле боя, вступлении в город, обмене дипломатическими миссиями и т.д.

Диссертация имеет строгую и достаточно логичную структуру. Она состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Работа начинается непосредственно с обоснования актуальности темы исследования. Обращаясь к анализу научных дискуссий последних десятилетий, которые велись вокруг проблемы изучения политических ритуалов, диссертант встает на сторону тех, кто делает выбор в пользу анализа не столько непосредственно символических, сколько текстовых практик, т.е. определенных описаний того, что и как происходило в соответствующем символическом пространстве. Вслед за Ф. Бюком, Д. Нельсон, Г. Спигел, К. Дёррих, М. Бойцовым и другими исследователями, Анастасия Сергеевна полагает, что именно авторская интерпретация ритуала презентации власти может служить важным свидетельством о политических реалиях эпохи, если рассматривать данные описания не как отражение того, что «было на самом деле», а как конструкт, направленный на решение конкретных авторских задач (С.7). Остается только удивляться поразительной живучести популярного тезиса Л. Ранке (*wie es eigentlich*

gewesen), с которым историки продолжают отчаянно сражаться даже два столетия спустя.

Представляется, впрочем, что в таком ключе корректнее было бы говорить не столько об актуальности темы диссертационного исследования, сколько об актуальности выбора диссертантом соответствующей методологической позиции по отношению к заявленной проблематике. Весьма обстоятельный историографический обзор по проблеме содержится, к сожалению, лишь во второй части Введения (С. 45 – 81), что далеко не сразу позволяет заинтересованному читателю оценить актуальность заявленной проблематики и новизну авторского подхода к ее изучению. Акты политико-символической коммуникации, нашедшие отражение в сочинениях оттоновских писателей, не раз становились предметом исследования в зарубежной науке. И Анастасия Сергеевна, безусловно, опирается на результаты многолетних изысканий своих немецких, французских, британских и американских коллег. Тем не менее, она сумела найти свой собственный путь в изучении выбранной темы, предложив системный анализ полного корпуса исторических текстов, созданных на протяжении третьей четверти X столетия в окружении Оттона I.

Такой выбор источниковой базы представляется вполне логичным. Именно в это время при королевском дворе наблюдается очевидный всплеск интереса к историописанию. Появляется несколько обстоятельных трудов, повествующих примерно об одних и тех же событиях и ориентированных на одну и ту же аудиторию. С другой стороны, эти тексты написаны разными людьми, при разных обстоятельствах и преследуют разные цели, что делает их чрезвычайно удобными для сопоставления и сравнительного изучения.

Общая и вполне корректная характеристика источников дается в первой части Введения (С. 14 – 45). Думается, что данный раздел вполне можно было бы дополнить кратким обзором хотя бы ранней рукописной традиции каждого памятника. Так сочинения Лиутпранда и особенно Адальберта сохранились в нескольких кодексах последних десятилетий X и

начала XI веков, очень близко стоящих ко времени создания оригинальных текстов. Они несут на себе следы читательской и редакторской правки и вдобавок представлены в окружении других произведений, прежде всего, трудов каролингских историков. Это дает современному исследователю богатый материал для понимания того, как именно данные сочинения прочитывались современниками и ближайшими потомками – вещь, безусловно, важная в контексте заявленной диссертантом темы.

В хронологическом отношении работа охватывает время правления Генриха Птицелова и Оттона Великого (С. 9). Однако обозначение временных рамок имело бы смысл сопроводить некоторыми важными пояснениями. Все основные источники, используемые в диссертации, созданы в эпоху позднего Оттона I и, строго говоря, описывают реалии именно того времени. Анастасия Сергеевна, конечно, отдает себе в этом отчет, правда отмечает данный факт лишь применительно к актам коронаций (С. 100, 105, 127, 158). Между тем здесь мы имеем дело с общей проблемой, характерной и для других сюжетов в рамках диссертационного исследования.

Коронациям или, шире, актам инаугурации (помимо коронации сюда отнесены передача инсигний и явление государя на поле боя) посвящена первая глава диссертации (С. 82 – 208). В сочинениях оттоновских историков мы лишь изредка встретим сколько-нибудь развернутые их описания. Информацию Ануфриевой пришлось собирать буквально по крупицам, а с другой стороны, тщательней анализировать имеющийся в ее распоряжении относительно ограниченный материал. Однако именно это позволило диссертанту в полной мере продемонстрировать свои исследовательские навыки.

Инаугурационные акты, зафиксированные в нарративных источниках, по мнению Анастасии Сергеевны, имеют мало отношения к реальности, и нет никаких серьезных оснований слепо доверять сообщениям оттоновских хронистов. В каждом конкретном случае раннесредневековые историки, используя общий набор ритуальных элементов, конструировали описание

той или иной символической сцены в соответствии с собственными задачами. Для Видукинда таковым было акцентирование светских элементов церемонии в противовес церковным (С. 100 – 105). Для Лиутпранда - внимание к имперским ритуалам и, в конечном счете, к византийским практикам (С. 194). Для обоих утверждение продолжительной традиции передачи власти, на которой основывалась легитимность Саксонской династии. Традиции, восходящей к франкам, а через них к Константину Великому (С. 163 – 165). Для Адальберта, напротив, важнее было сообщить о неуклонном возрастании могущества Людольфингов (С. 116).

Можно согласиться с мнением диссертанта, что на представления оттоновских хронистов об актах королевской коронации повлияла коронация Оттона II, имевшая место в 961 году, не самая важная и значительная в ряду других (919, 936, 962 гг.), зато близкая им по времени и, видимо, хорошо знакомая (С. 133). Этот вывод, верный в целом, нуждается в уточнении. Мы почти не встретим сколько-нибудь подробных описаний коронаций в каролингских нарративных текстах. В этом смысле оттоновским историографам попросту не на что было опереться. Вероятно, хронистов, а равно и их читателей, долгое время интересовал сам факт коронации, но не его детали. Последние, вдобавок, от раза к разу различались, пусть и незначительно. Для каролингских и оттоновских историков определяющим фактором в акте коронации была не столько последовательность ритуалов, сколько наличие консенсуса по поводу конкретного персонажа.

Некоторой натяжкой кажется тезис о том, что по символическому значению реликвии, обретаемые саксонскими государями, для оттоновских авторов близки к инсигниям (С. 137). Данное положение выглядит слишком общим и не подкреплено достаточной аргументацией. Напротив, идея о том, что обретение реликвий могло рассматриваться в качестве одной из форм *translatio* власти от франков к саксам – чрезвычайно плодотворна.

Глава завершается анализом актов инаугурации властителя на поле боя (С. 166 – 207). Таковые выражались в провозглашении войском саксонских

государей императорами после крупных военных побед, даже если правители не принимали непосредственного участия в битве, но самим фактом своего присутствия, а также определенными действиями вносили, по мнению современников, сущностный моральный вклад в победу над врагом. Своеобразным прологом к такой легитимации являлась молитва государя перед священной реликвией, а сама сцена апеллировала к образу христианского государя и была пронизана библейскими реминисценциями. В целом, параграф об инаугурации королей на поле битвы – один из лучших и наиболее оригинальный во всей диссертации.

Вторая глава посвящена взаимодействию «своего» и «чужого» политико-символического пространства (С. 209 – 302). Эта проблематика, также едва намеченная оттоновскими хронистами, рассмотрена в сценах прибытия государя в город (*adventus domini*), а также в сценах обмена посольствами. При анализе сцен прибытия Анастасия Сергеевна опирается на теоретическое наследие Э. Канторовича, который предлагал видеть в них своеобразную инсценировку либо въезда Христа в Иерусалим, либо Второго Пришествия, а в образе правителя, соответственно, милостивого либо карающего государя (С. 211). Диссертант развивает эти идеи, анализируя мотивацию второй (принимающей) стороны и обнаруживая в актах *adventus domini* проявление лояльности или враждебности подданных. С другой стороны, Анастасия Сергеевна обращает внимание на многозначность ритуала прибытия (С. 300). И в связи с этим справедливо отмечает, что таковая давала оттоновским авторам возможность подчеркнуть особо значимый для каждого мотив, будь то военный триумф (Видукинд), свадебная процессия (Хротсвита), прибытие государя для возмездия (Лиутпранд) или пролог к инаугурации (Адальберт).

Богатый материал для изучения взаимодействия символических пространств дает дипломатическая практика. Она рассмотрена в двух плоскостях: через контакты Оттонов с Византией и через контакты государей Запада друг с другом. Для оттоновских хронистов Византия представляется

глобальным символическим пространством, где постоянно рождаются и новые смыслы, и новые формы их практического воплощения. Об этом со всей убедительностью говорят свидетельства Лиутпранда, знакомого с подвижным византийским дипломатическим церемониалом лучше других современников. Напротив, в отношениях с западными правителями доминировали иные, если угодно, более простые и определенно более стабильные формы коммуникации – преподнесение мощей, совершение ритуалов вассальной зависимости и др. (С. 302). Можно согласиться с выводом автора, что при Оттонах символический язык международной дипломатии в рамках латинского мира находился в стадии формирования. Но сами Оттоны благодаря активной политике на итальянском направлении оказались в самом центре этого процесса.

Третья глава посвящена актам разрешения конфликтов, в которых, так или иначе, принимал участие государь (С. 302 – 374). Речь идет о примирении с мятежными вассалами или с членами правящей семьи, а также о низложении римских понтификов. На первые десятилетия правления Людольфингов пришлась череда серьезных мятежей, в которых приняли участие не только крупные аристократы, но и ближайшие родственники Оттона I. Как показывает Анастасия Сергеевна, у хронистов имелось общее представление о порядке примирения враждующих сторон разного уровня. Акценты смещались лишь в интерпретации образа правителя, который являлся то милостивым (Видукинд, Адальберт), то карающим (Лиутпранд) (С. 324). Но, так или иначе, одной из ключевых составляющих репрезентации власти христианского государя в оттоновскую эпоху оставалось подражание Христу (С 305).

Своеобразное развитие данный сюжет получает в сценах «покаяния» государя. В диссертации таковых приводится всего две – покаяние Оттона перед собственной матерью Матильдой и покаяние Лотаря II перед Беренгаром и Ардериком Миланским. По мнению автора, такие акты свидетельствуют о живучести в оттоновскую эпоху «феодосийской

покаянной традиции», которая предполагала возвеличение христианского государя через его унижение и смирение (С. 350 – 351). С этим вряд ли можно однозначно согласиться. Отголоски феодосийской традиции, да и то с большой долей условности, можно найти только в сцене с Лотарем II. Но последняя не была покаянием государя, напротив, предваряла его коронацию. По сравнению с каролингской эпохой, проникнутой идеалами покаяния на фоне роста эсхатологических настроений, время Оттонов демонстрирует существенно иное отношение к проблеме. Епископы не пишут государям зеркал. В изобразительном искусстве на вторые роли уходит образ Давида. Покаяние Оттона перед Матильдой бесконечно далеко отстоит от актов покаяния Людовика Благочестивого в Аттиньи и даже в Суассоне. Перед нами расхожий топос не столько покаяния, сколько раскаяния детей перед родителями, примеров чему в каролингскую эпоху найдется немало. Вряд ли имеет смысл непременно искать здесь какую-либо политико-символическую подоплеку, характерную для публичного государственного акта.

В заключении подведены основные результаты исследования. В целом они логичны и убедительно обоснованы. Автор продемонстрировал свободное владение материалом, как на уровне практического анализа, так и на уровне его теоретического осмысления с опорой на актуальную научную литературу. Определенно это стало возможным благодаря хорошему знанию Анастасией Сергеевной латыни и современных иностранных языков. Приведенные выше замечания носят частный характер и не влияют на общую высокую оценку работы.

Автореферат соответствует содержанию диссертации. Полученные результаты нашли отражение в статьях автора, в том числе и опубликованных в журналах, реферируемых ВАК Российской Федерации. Диссертация А.С. Ануфриевой отвечает требованиям «Положения о порядке присуждения ученых степеней» по специальности 07.00.03 - всеобщая история (средние века) и может быть рекомендована к защите, а автор,

несомненно, заслуживает присвоения ей звания кандидата исторических наук.

Официальный оппонент,
доктор исторических наук
ведущий научный сотрудник Центра истории исторического знания
федерального государственного бюджетного учреждения науки
Институт всеобщей истории Российской Академии наук

Сидоров Александр Иванович

1.02.2017

Институт всеобщей истории РАН
адрес: 119334 Москва, Ленинский пр., 32а
тел.: +7 (495) 938 10 09
e-mail: dir@igh.ru

Подпись	Сидорова А. И.
Удостоверяю:	
Заведующий отделом кадров	Мещеряков